

ЭМИ ТАН

СТО  
ТАЙНЫХ  
ЧУВСТВ



Издательство «Иностранка»  
Москва

УДК 821.111(73)  
ББК 84(7Сое)-44  
Т18

Amy Tan  
THE HUNDRED SECRET SENSES  
Copyright © Amy Tan, 1995  
First published by G.P. Putnam's Sons  
All rights reserved

Печатается с разрешения *Sandra Dijkstra Literary Agency*.  
Издательство выражает благодарность литературному агентству  
*Synopsis Literary Agency* за содействие в приобретении прав.

Перевод с английского Натальи Власовой

Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

### Тан Э.

Т18 Сто тайных чувств : роман / Эми Тан ; пер. с англ.  
Н. Власовой. — М. : Иностранка, Издательство  
АЗБУКА, 2026. — 528 с. — (Розы света).

ISBN 978-5-389-33056-6

Сан-Франциско, 1962 год. Шестилетняя Оливия напу-  
гана: ей сказали, что отныне в доме поселится старшая дочь  
папы, которую привезут из китайской деревни. «Она будет  
здесь жить вместо меня?» — «Нет, конечно! Вместе с тобой».  
Однако девочка не может побороть недоверчивое отноше-  
ние к сестре. Во-первых, Гуань плохо говорит по-английски,  
во-вторых, утомляет Оливию своей бесконечной любовью...  
А еще Гуань утверждает, что может общаться с духами умер-  
ших людей. Уж не сумасшедшая ли она?

Прошли годы. Сестры давно живут отдельно, но Гуань,  
к недовольству Оливии, по-прежнему бесконечно привяза-  
на к ней. Все меняется, когда женщины вместе едут в Китай,  
на родину Гуань. Именно здесь, в глухой деревушке, Оли-  
вии предстоит узнать истинную ценность чувств старшей  
сестры, а также понять мотивы многих ее поступков. Тайное  
постепенно становится явным...

УДК 821.111(73)  
ББК 84(7Сое)-44

© Н. Н. Власова, перевод, 2024  
© Издание на русском языке, оформление.  
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026  
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-33056-6



# 1

## Девочка с иньскими<sup>1</sup> глазами

Моя сестра Гуань<sup>2</sup> уверена, что у нее иньские глаза. Она видит тех, кто умер и поселился в царстве теней. Это духи, покидающие свои туманные обители, чтобы навестить ее на кухне на Бальбоа-стрит в Сан-Франциско.

— Либби-а, — тянет она. — Угадай, кого я вчера видела! Ну же!

А мне и не нужно угадывать. Я точно знаю, что сестра говорит о каком-то очередном покойнике. На самом деле она мне сестра только наполовину, но мне запрещено об этом трезвонить. Это было бы оскорблением, словно Гуань заслуживает в на-

---

<sup>1</sup> В основу традиционной китайской культуры легло представление о двух противоположных и взаимодополняющих началах — инь (темное) и ян (светлое). Иньское начало связано с потусторонним миром, а потому выражение «иньский глаз» обозначает в данном случае умение заглянуть за грань нашего мира. — *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.*

<sup>2</sup> Здесь и далее в транскрибировании имен использована нормативная система, разработанная архимандритом Палладием (Кафаровым); все исключения, связанные с локальной принадлежностью имени или топонима, оговариваются отдельно.

шей семье лишь пятидесяти процентов любви. Но чисто для справки: генетически у нас с Гуань общий отец, а матери разные. Она родилась в Китае, а мы с братьями, Кевином и Томми, появились на свет в Сан-Франциско после того, как мой отец Джек И иммигрировал в Штаты и женился на нашей матери Луизе Кенфилд.

Мама в шутку называет себя «мясным ассорти, куда добавлено понемногу всего: белого, жирного и жареного». Она родилась в Москве, штат Айдахо, в юности занимала первые места в соревнованиях по *батон-твирлингу*<sup>1</sup> и, кроме того, как-то раз выиграла на местной ярмарке приз за то, что вырастила странную картофелину, в профиль напоминающую певца Джимми Дуранте. Она призналась, что мечтала повзрослеть и измениться, стать тонкой-звонкой, экстравагантной и возвышенной, как Луиза Райнер, которой вручили «Оскар» за роль О-Лань в фильме «Благословенная земля».

Когда мама перебралась в Сан-Франциско и пополнила ряды девушек, которых временно трудоустроивала компания «Келли», она приняла наилучшее из возможных решений — вышла замуж за нашего отца. При этом она считает, что брак с представителем другой расы делает ее либералкой.

— Когда мы с Джеком познакомились, — продолжает она рассказывать каждому встречному, — сме-

---

<sup>1</sup> Своеобразная гимнастика (*англ.* baton twirling), сочетающая в себе разнообразные движения тела и вращение жезлов.

шанные браки были запрещены законом. Мы нарушили закон ради любви!

Вот только забывает упомянуть, что в Калифорнии этот закон не действовал.

Никто из нас, включая маму, не был знаком с Гуань вплоть до ее восемнадцатилетия. На самом деле мама вообще не знала о существовании Гуань. Папа открылся ей незадолго до того, как умер от почечной недостаточности. Мне тогда еще и четырех не исполнилось, но я помню те моменты, что провела с отцом: я съезжаю с горки прямо в его объятия; я вычерпываю из бассейна-«лягушатника» мелкие монетки, которые он туда бросил. А еще я помню последний раз, когда видела папу в больничной палате и он сказал нечто такое, что испугало меня на годы вперед...

В палате с нами также находился пятилетний Кевин, а Томми, совсем еще малыш, остался в холле с маминной двоюродной сестрой Бетти Дюпре. Она тоже переехала в Сан-Франциско из Айдахо, и нам велено было обращаться к ней «тетя Бетти». Я сидела на лишком пластиковом стуле и поглощала из миски клубничное желе, которое отцу принесли на завтрак, а он отдал мне. Папа полусидел на больничной койке и тяжело дышал. Мама то рыдала, то вдруг вела себя с напускным весельем. Я пыталась понять, что происходит. Следующее, что я помню: отец что-то шепчет, мама наклоняется к нему поближе. Разевает рот все шире и шире. Затем она с перекошенным от ужаса лицом поворачивается в мою сторону. Я оцепенела от страха. Как папоч-

ка узнал? Как он понял, что я смыла утром в туалет двух своих черепашек Быструлю и Тормозка? Мне хотелось посмотреть, как черепашки выглядят без панцирей, но в итоге я оторвала им головы.

— Твою дочь? — услышала я голос матери. — Перевезти ее?

Я не сомневалась, что отец попросил отправить меня в приют, как поступили с нашей псиной по кличке Пуговка, когда та изгрызла в клочья диван. Дальше воспоминания путаются: кубики желе разлетелись по полу, мама уставилась на какое-то фото, Кевин со смехом выхватывает снимок, а потом и я вижу крошечную черно-белую фотографию той же малявки со всклокоченными волосами.

В какой-то момент я слышу мамин крик: «Оливия, не спорь! Уходи сейчас же!» Я в ответ рыдаю: «Я больше так не буду-у-у-у!»

Вскоре после этого мама объявила:

— Папочка покинул нас.

А еще она сообщила, что собирается привезти из Китая другую папину дочку и поселить ее в нашем доме. Она ничего не говорила про приют, но я все равно рыдала, считая, что все эти события как-то смутно связаны: обезглавленные черепашки, смытые в унитаз; отец бросил нас, а какая-то девочка скоро приедет, чтобы занять мое место. Я боялась Гуань еще до того, как познакомилась с ней.

Когда мне было десять, я узнала, что папу сгубили почки. По словам мамы, он родился не с двумя почками, как все нормальные люди, а с четырьмя, и все дефективные. У тети Бетти имелась теория,

почему так могло произойти. У нее по любому поводу была собственная теория, чаще всего почерпнутая из какого-нибудь сомнительного источника типа еженедельника «Мировые новости»<sup>1</sup>. Она заявила, что отец должен был стать одним из сиамских близнецов, но еще в утробе, как более сильный, поглотил своего слабого брата и заполучил две дополнительные почки. «Кто знает, может, у него вдобавок два сердца и два желудка». Тетя Бетти озвучила свою теорию примерно тогда же, когда журнал «Лайф» напечатал подборку фотографий двух сиамских близняшек из России. Я читала их историю: Таша и Саша, сросшиеся бедрами, слишком милые, чтобы быть ошибкой природы. Наверное, это было где-то в середине шестидесятых, примерно тогда же я выучила дробь. Помнится, я жалела, что нельзя обменять Гуань на двух сиамских близняшек. У меня было бы две половинки сестер, считай одна целая. Я представляла, как все соседские дети пытались бы подружиться с нами в надежде, что мы им покажем, как прыгаем на скакалке или играем в классики.

Тетя Бетти также поведала историю рождения Гуань, ничего душераздирающего, но довольно постыдно. Во время войны мой отец учился в университете в Гуйлине. Он постоянно покупал на ужин на рынке живых лягушек у одной молодой женщины по имени Ли Чэнь. Позднее они поженились,

---

<sup>1</sup> Таблоид, который публиковал в основном вымышленные «новости» с 1979 по 2007 год.

а в 1944 году Ли Чэнь родила дочь Гуань, ту самую тощую пигалицу на фотографии.

У тети Бетти имелась и теория относительно этого брака. «Ваш папа для китайца был довольно привлекательным внешне. Еще и с высшим образованием. Говорил по-английски не хуже нас с мамой. С чего ему вдруг жениться на деревенской девчонке? А потому что *пришлось!*» Я тогда уже была достаточно взрослой, чтобы понимать, что значит *пришлось*.

Как бы то ни было, в 1948 году первая жена отца умерла от какого-то легочного заболевания, скорее всего от туберкулеза. Отец поехал в Гонконг на заработки, а маленькую Гуань поручил заботам младшей сестры жены Ли Биньбинь, которая жила в горной деревушке под названием Чанмянь. Разумеется, он отправлял им деньги на расходы, как и положено порядочному отцу. Но в 1949 году коммунисты захватили власть над Китаем, и мой отец попросту не смог вернуться за своей пятилетней дочкой<sup>1</sup>. Что ему было делать? С тяжелым сердцем он отправился в Америку, чтобы начать жизнь с чистого листа и забыть обо всех горестях, что остались в прошлом.

Одиннадцать лет спустя, когда отец умирал в больнице, ему явился призрак первой жены. Стоя в изножье больничной койки, она предупредила: «Забери дочь! А не то будешь страдать и на том све-

---

<sup>1</sup> Остров Гонконг отошел к Великобритании в результате Первой опиумной войны (1840–1842) и был возвращен КНР лишь в 1997 году.

те!» Именно эту историю отец поведал перед смертью, а годы спустя пересказала тетя Бетти.

Оглядываясь назад, могу себе только представить, какие чувства, должно быть, испытала мама, когда впервые об этом всем услышала. Первая жена? Дочь в Китае? Мы были современной американской семьей. Говорили по-английски. Разумеется, мы заказывали китайскую еду, но навывнос, как и все вокруг. А еще мы жили в деревенском доме в Дейли-Сити. Отец работал в правительственном финансовом учреждении. Мать ходила на встречи родительского комитета. До этого она никогда не слышала от отца про китайские суеверия. Вместо этого они посещали церковь и страховали свои жизни.

После смерти отца мать не переставала всем рассказывать, что муж обращался с ней «как с китайской императрицей». В порыве горя она наобещала с три короба Господу и покойному мужу на его могиле. По словам тети Бетти, на похоронах мать торжественно поклялась больше никогда не выходить замуж, научить нас троих чтить память рода И, а еще найти первую дочь отца Гуань и перевезти ее в Штаты.

Исполнила она только последнее из трех этих обещаний.

Моя мать всегда страдала от своего слишком доброго сердца и сезонных приступов желания помогать всем без разбору. Как-то раз летом она стала волонтером в организации по спасению бездомных йоркширских терьеров и устроила передерж-

ку у нас дома, так везде до сих пор воняет собачьей мочой. Два Рождества подряд она готовила еду для бездомных в благотворительной столовой Святого Антония и тут вдруг срывается и мчится на Гавайи с новым бойфрендом. Она распространяла петиции, занималась сбором средств, входила в правления групп нетрадиционной медицины. Ее энтузиазм всегда искренен, но он рано или поздно иссякает, и мама переключается на что-то новое. Я подозреваю, что она воспринимала Гуань как иностранную студентку по обмену, которую предстоит приютить у себя на годик; этакую китайскую Золушку, которая станет самодостаточной и выпорхнет из гнезда в прекрасную американскую жизнь.

Накануне приезда Гуань мама вела себя как чирлидерша, активно призывая меня и братьев распаковать объятия старшей сестре и с радостью принять ее в наш мир. Томми был слишком мал, поэтому просто кивал всякий раз, когда мама ворковала: «Ты ведь рад, что у тебя появится старшая сестра?» Кевин пожимал плечами с равнодушным видом. Я была единственной, кто прыгал от восторга. Отчасти я ликовала, осознав, что Гуань приезжает к нам жить не *вместо* меня, а *вместе* со мной.

Хотя я была одиноким ребенком, но предпочла бы новую черепашку или куклу, а не кого-то, с кем придется бороться за внимание матери, и так уже распыленное, и делиться скромными напоминаниями о ее любви. Оглядываясь назад, я понимаю, что мама любила меня, но не безрассудно. Когда я сравнивала количество времени, которое она проводи-

ла с другими, подчас совершенно чужими людьми, мне казалось, что я соскальзываю все ниже в списке любимчиков, набивая по дороге шишки. У нее всегда находилась куча свободного времени для свиданий с какими-то мужчинами и обедов с так называемыми подружками. Обещания, данные мне, она не сдерживала. Она клялась, что мы пойдем в кино или в бассейн, но с легкостью отказывалась от своих слов под предлогом забывчивости или, что еще неприятнее, хитрым образом искажая первоначальный смысл. Как-то раз она заявила: «Меня бесит, когда ты дуешься, Оливия! Я не обещала тебе, что мы пойдем в бассейн, а только сказала, что хотела бы сходить поплавать». Как мои желания могли перевесить ее решения?!

Я научилась относиться ко всему с напускным безразличием, запечатывать собственные надежды и убирать их на верхнюю полку вне пределов досягаемости. Я говорила себе, что эти надежды в любом случае пусты, и так избегала болезненного разочарования. В итоге я испытывала лишь короткий укол боли, как во время прививки. И все же, когда я думаю об этом, мне снова мучительно больно. Как же так получилось, что в детстве я знала, что меня должны любить больше? Неужели все люди рождаются с бездонным резервуаром, который необходимо заполнить эмоциями?

Разумеется, я не хотела видеть Гуань своей сестрой. Вообще. Именно поэтому я и демонстрировала энтузиазм в присутствии матери. Это была искаженная форма обратной логики: раз твои на-

дежды никогда не сбываются, нужно надеяться на то, чего ты не хочешь.

Мама утверждала, что старшая сестра — увеличенная копия меня, такая же милая и симпатичная, только более китайская, и мы будем весело проводить время. Поэтому я представляла себе не сестру, а чуть повзрослевшую себя, танцующую в обтягивающей одежде и ведущую печальную, но увлекательную жизнь, вариацию на тему Натали Вуд, только с раскосыми глазами, из фильма «Вестсайдская история», который я посмотрела в пять лет. Только сейчас мне пришло в голову, что мы с мамой вылепили образ с актрис, которые говорили с несвойственным им акцентом.

Как-то вечером, перед тем как уложить меня спать, мама спросила, не хочу ли я помолиться. Я знала, что молитва означает произнести вслух приятные вещи, которые другие хотят услышать. Мама всегда поступала именно так. Я помолилась Господу и Иисусу Христу, чтобы они помогли мне стать хорошей девочкой, а потом добавила, что надеюсь на скорый приезд старшей сестры, тем более мама только недавно об этом обмолвилась. Когда я произнесла «Аминь!», то увидела, что мама плачет и гордо улыбается. На глазах у мамы я начала готовить подарки для Гуань: шарфик, который тетя Бетти подарила мне на день рождения; туалетную воду с запахом цветов апельсина, которую мне купили на Рождество; липкую конфетку, оставшуюся после Дня Всех Святых. Я с любовью поместила все эти бывшие в употреблении залежалые предме-

ты в коробку, которую мама надписала: «Для старшей сестры Оливии». Я убедила себя, что стала настолько хорошей, что вскоре мама осознает, что никакие сестры нам попросту не нужны.

Мама рассказывала нам с братьями, как сложно ей было отыскать Гуань.

— Сейчас нельзя просто написать письмо, наклеить марку и отправить в Чанмянь. Пришлось преодолеть различные бюрократические препоны и заполнить десятки форм. Мало кто из кожи вон лезет, чтобы помочь выходцу из коммунистической страны. Тетя Бетти решила, что я сошла с ума! Она сказала мне: «Как ты можешь принять почти взрослую девушку, которая ни бум-бум по-английски? Она не будет отличать хорошее от плохого и станет путать лево и право».

Но Гуань даже не догадывалась, что препятствие заключалось не только в грудe всяких бумаг. Через два года после смерти отца мама вышла замуж за Боба Лагуни, которого Кевин называет «счастливым билетом в маминой истории романов со всякими иностранцами», и все потому, что она-то считала его мексиканцем, хотя вообще-то он итальянец.

Она взяла фамилию мужа, и мы с братьями тоже стали Лагуни, а я с радостью сменила эту фамилию на Бишоп, когда вышла за Саймона. Дело в том, что Боб вообще не хотел, чтобы Гуань приезжала, а мама обычно ставила его желания превыше всех остальных. После их развода, когда я уже училась в колледже, мама рассказала, как Боб перед самой

свадьбой давил на нее, чтобы мама дала задний ход всем документам для Гуань.

Думаю, она собиралась именно так и поступить, да вот только забыла, но мне она сказала вот что: «Я смотрела, как ты молишься. Ты казалась мне такой милой и печальной, когда просила Господа прислать тебе старшую сестренку из Китая».

Мне было около шести к тому моменту, как Гуань прилетела в Америку. Мы ждали ее в таможенной зоне аэропорта Сан-Франциско. Тетя Бетти приехала с нами. Мама нервничала, была взволнована и тараторила без передышки:

— Послушайте, дети, она, наверное, будет стесняться, так что не набрасывайтесь на нее... А еще она будет тощей как щепка; пожалуйста, не подшучивайте...

Когда сотрудник таможни вывел Гуань в коридор, где мы ждали, тетя Бетти ткнула в нее пальцем и заявила:

— Это она. Говорю вам — это она!

Мама покачала головой. Это была какая-то странная старообразная особа, упитанная коротышка, а не голодающая тощая сиротка, какой ее живописала нам мама, и не гламурная девочка-подросток, которую представляла себе я. Одета она была в тусклую серую пижаму, а по обе стороны от широкого лица болтались толстые косички.

Гуань была какой угодно, но только не стеснительной. Она бросила свою сумку, замахала руками и взвыла:

— Пры-ы-ы-вет! Привет!

Улюлюкая и смеясь, она прыгала и повизгивала, в точности как наш новый пес, когда мы выпускаем его из гаража. Эта незнакомка сначала бросилась обниматься с мамой, а потом с дядей Бобом, потом она схватила за плечи Кевина и Томми и принялась трясти их. При виде меня шумная девица стихла, присела на корточки прямо в коридоре и распахнула мне свои объятия.

— Это моя старшая сестра? — Я вцепилась в мамину юбку.

— Да, — кивнула мама. — Посмотри, у нее такие же волосы, как у папы, черные и густые.

Я все еще храню снимок, который тогда сделала тетя Бетти: кудрявая мама в мохеровом костюме сверкает загадочной улыбкой; рядом с остолбенелым видом торчит отчим Боб, американец итальянского происхождения; Кевин и Томми в ковбойских шляпах корчат дурацкие рожи; улыбающаяся Гуань положила мне руку на плечо, а вот и я сама в нарядном платье с оборками, реву в голос, сунув палец в рот.

Я заревела буквально за мгновение до того, как сделали снимок. Гуань вручила мне подарок. Это была маленькая клетка из плетеной соломы, которую она вытащила из широкого рукава и гордо протянула мне. Когда я поднесла клетку к глазам и заглянула внутрь, то увидела шестиногое чудовище, ярко-зеленое, как трава, с огромными зубищами, выпученными глазами и длинными антеннами вместо бровей. Я закричала и отшвырнула клетку.

Дома, в спальне, которую мы с тех пор делили, Гуань повесила на веревку клетку с кузнечиком, лишившимся одной ноги. Как только наступала ночь, кузнечик начинал стрекотать так же громко, как велосипедный звонок, когда велосипедист предупреждает прохожих, чтобы те уступили ему дорогу.

С того дня моя жизнь изменилась. Для мамы Гуань стала удобной нянькой, никогда не отказывающейся и бесплатной. Отправляясь в полдень в салон красоты или по магазинам с подругами, мама велела мне посидеть с Гуань. «Будь хорошей сестренкой и объясни ей все, что она не понимает. Обещаешь?» Так что каждый день после школы Гуань прицеплялась ко мне как клещ и тащилась за мной всюду, куда бы я ни шла. В первом классе я стала экспертом по публичному унижению и стыду. Гуань задавала столько глупых вопросов, что все соседские дети думали, что эта чудачка десантировалась к нам с Марса. «Что такое „Эм-энд-Эмс“? Драже? А что такое драже?», «Что такое жувачка?», «А кто этот моряк Попай?<sup>1</sup> Куда делся его глаз? Он бандит?». Даже Кевин и Томми смеялись.

С появлением Гуань мама могла, не испытывая чувства вины, наслаждаться медовым месяцем с Бобом.

Когда учительница позвонила маме, чтобы сообщить, что у меня высокая температура, именно Гуань примчалась в кабинет медсестры, чтобы отве-

---

<sup>1</sup> Герой американских комиксов и мультфильмов.

сти меня домой. Когда я упала с роликов, Гуань перевязала мне локти. Она заплетала мне косички. Она собирала обеды для меня и братьев. Гуань пыталась научить меня петь китайские детские песенки. Гуань успокаивала меня, когда у меня выпал молочный зуб. Гуань водила губкой по моей шее, пока я принимала ванну.

Мне стоило бы поблагодарить Гуань. Я всегда могла положиться на нее. Ей безумно нравилось проводить со мной время. Но вместо этого я злилась за то, что Гуань заняла место матери.

Помню тот день, когда мне впервые пришлось в голову избавиться от Гуань. Было лето, через несколько месяцев после ее приезда. Гуань, Кевин, Томми и я сидели на лужайке перед домом, ожидая, когда же хоть что-то произойдет. Двое друзей Кевина прокрались в сторону нашего дома и включили поливальную установку. Мы с братьями слышали характерный плеск и журчание воды по трубам и успели убежать до того, как дюжина разбрызгивателей взорвалась струями воды. А Гуань просто стояла там, мокла и удивлялась, как много родников забили из-под земли одновременно. Кевин и его друзья подвывали от смеха.

— Это плохо! — крикнула я им.

Тогда один из друзей Кевина, чванливый второклассник, в которого были влюблены все девчонки, сказал мне:

— Эта тупая китаеза — твоя сестра? Эй, Оливия, это значит, что ты тоже тупая китаеза?

Я была так взволнована, что закричала:

— Она не моя сестра! Я ненавижу ее! Хочу, чтобы она свалила обратно в свой Китай!

Томми потом наябедничал дяде Бобу, что я такое сказала, и тот обратился к матери:

— Луиза, тебе стоит поговорить с дочерью.

Мама покачала головой с грустным видом:

— Оливия, мы никого не ненавидим. «Ненавижу» — это ужасное слово. Оно причиняет боль и тебе, и окружающим.

Разумеется, после этого я возненавидела Гуань еще сильнее. Хуже всего было делить с ней спальню. Ночью она любила распахивать шторы так, что свет уличного фонаря лился в комнату, где мы лежали на расположенных бок о бок одинаковых кроватях. Под этой «прекрасной американской луной», как она это называла, Гуань болтала по-китайски. Она говорила и говорила, пока я притворялась спящей. И продолжала трепаться на китайском, когда я просыпалась. Так я стала единственной в нашей семье, кто выучил китайский. Это Гуань меня заразила. Я впитывала ее родной язык через поры, пока спала. Она запихнула свои китайские секреты в мой мозг и изменила мое восприятие мира. Вскоре мне даже снились кошмары на китайском.

Взамен я обучала ее английскому. Думаю, именно поэтому она никогда толком на нем и не заговорила. Из меня вышел не особо увлеченный учитель. А однажды, когда мне было семь, я сыграла с Гуань злую шутку. Мы лежали в постелях в темноте, и тут Гуань позвала меня:

— Либби-а! — А потом она спросила по-китайски: — А как по-американски называется та вкусная фрукта, которую мы ели вечером?

— Отрыжка, — сказала я и зажала рот руками, чтобы не прыснуть со смеху.

Она произнесла, спотыкаясь на каждом слоге: «о-ты-лы-жы-ка»<sup>1</sup>.

— Ох! Какое корявое слово для такого тонкого вкуса. Я никогда не ела таких вкусных фрукт. Либби-а, ты счастливая девочка. Если бы только моя мама не умерла...

Гуань могла перейти от практически любой темы к трагедиям своей жизни, и все это на нашем секретном китайском языке.

В другой раз она наблюдала, как я сортирую открытки к Дню святого Валентина, разложив их на кровати.

— Что это за форма? — Гуань подошла и взяла одну из открыток.

— Сердце. Означает любовь. Видишь, на всех открытках сердца. Я должна вручить открытку каждому из своих одноклассников, но это вовсе не значит, что я всех люблю.

Гуань вернулась на свою кровать.

— Либби-а... — протянула она. — Если бы только моя мама не умерла от больного сердца...

Я вздохнула, но не посмотрела на нее. Опять она за свое.

---

<sup>1</sup> Дело в том, что китайский язык слоговой, и китайцам очень нелегко даются иностранные слова с согласными на стыке слогов.

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

ЭМИ ТАН  
СТО ТАЙНЫХ ЧУВСТВ

Руководитель проекта Антонина Галль  
Ответственный редактор Янина Забелина  
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий  
Технический редактор Пётр Щёголев  
Корректоры Людмила Самойлова, Ирина Львова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 28.05.2026.  
Формат издания 76 × 100 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.  
Усл. печ. л. 23,10. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін  
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:  
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции  
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)  
Ақпараттық өнім белгісі  
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в типографии ООО «Экопейпер».  
420044, Россия, г. Казань, пр. Ямашева, д.36Б.



R-R58-42402-01-R